

АНШЛАГ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ГРАНТА

В ОБЛАСТИ ЧИСЛО УЧАСТНИКОВ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ГРАНТА «ПУТЬ ПАМЯТИ: ТОМСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ» ДОСТИГЛО 20 ТЫСЯЧ. В УСЛОВИЯХ КАРАНТИННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ И ВДРУГ ТАКАЯ КОЛОССАЛЬНАЯ ПОЩАЕМОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ.

— «Путь памяти» — третий грант областной писательской организации, — рассказывает ее председатель и руководитель проекта Геннадий Скарлыгин. — Помню во втором гранте «От классиков — к современникам», какой-то «умник» написал в соцсетях: «я думал, что это на самом деле толковые писатели, а они оказываются школы «окучивали». Меня так задел этот снобизм, и я дал слово убрать любую принудилку, пресловутый административный фактор из дальнейшей работы.

Помогли Instagram и молодая талантливая команда Дома искусств: и.о. директора Мадина Гоголинская, методист литературного музея Анастасия Корнеева и PR-специалист Павел Опанасенко. Благодаря их поддержке в условиях пандемии писатели освоили молодежный мессенджер и получили доступ к раскрученному аккаунту. По сути, у нас появилось собственное телевидение. Оставалось лишь наполнить его интересным содержанием.

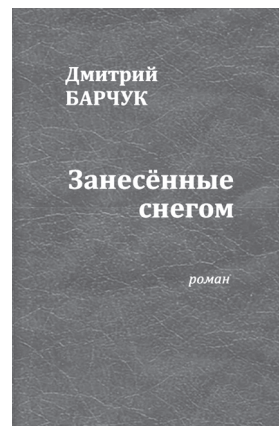
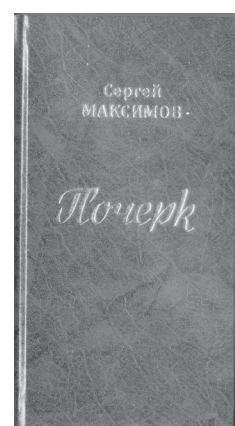
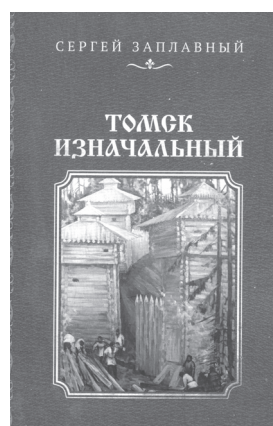
Для многих завсегдаев соцсети, привыкших к потребительскому хвостовству и контркультуре, наш контент вначале показался неожиданным. Но потом молодежь оценила виртуальные творческие встречи с писателями. Откровенный рассказ о войне, в которой наш народ просто могли уничтожить, о подвиге дедов, отстаивших наше право на жизнь, по-настоящему заинтересовал пользователей Instagram.

Томские писатели за неполных пять месяцев провели 15 районных литературно-поэтических конференций среди учащихся и 130 творческих встреч в библиотеках, школах, техникумах, детских домах, интернатах, советах ветеранов. И всем подарили по литературному сборнику «Путь памяти» и по 9-томнику «Библиотеки томской поэзии и прозы», составленному из лучших произведений современных томских писателей. Всего с начала проекта подарено 460 комплектов книг почти на миллион рублей. Уже к концу зимы каждая школа, каждая библиотека области, даже в самом отдаленном поселке, будет иметь на своих полках эти книги.

— В месяц записи наших эфиров в совокупности набирают по 5000 просмотров. Лучшие писательские выступления смотрят по 500-600 человек, — подчеркивает Геннадий Скарлыгин. — Особенной популярностью пользуются творческие встречи с Дмитрием Барчуком, Николаем Игнатенко, Сергеем Максимовым, Владимиром Крюковым. У нас креативный PR-менеджер — молодой поэт Тимофей Занин. В январском графике — разговор с читателями из Нарыма о роли Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина в победе над фашизмом, личности весьма неоднозначной, а в феврале начнутся вебинары о творческой мастерской писателя. Каждый из писателей раскроет в эфире потаенные секреты своего мастерства.

В общем, смотрите нас на https://instagram.com/arhouse_tomsk?igshid=3pjxiure59f2, читайте наши книги. Книга — замечательное средство для профилактики пандемии. Вы дома, никаких прямых контактов, только духовные — с литераторами, возможно, живущими по соседству.

НОВЫЕ КНИГИ ТОМИЧЕЙ

В московском издательстве «Престиж Бук» в серии «Ретробиблотека приключений и научной фантастики» вышло трехтомное собрание сочинений томского писателя Александра Рубана Ревовича Рубана.

Александр Рубан (1955-2015) — писатель-фантаст и поэт, вся жизнь которого связана с Томском — городом, построенным на границе реального и воображаемого. Фантастика для Александра Рубана была в первую очередь искусством, способом мировосприятия, противопоставленным скучному реализму. Герои писателя не взрывают галактики и не спасают планеты. В лучшем случае они пытаются спасти себя: свою жизнь, свой покой, своих близких. Свою любовь, свое лицо. Антастический мир, в котором они существуют по воле автора, персонажи воспринимают как данность, зачастую не пытаются даже понять его. Они лишь стремятся выжить. Но эта задача решается не всегда... Выпустив полтора десятка оригинальных и многогранных книг и завоевав признание как в среде почитателей фантастики, так и у обычных читателей, Александр Рубан, к большому сожалению, не успел объединить свои работы в собрание сочинений. Издательство «Престиж Бук» решило исправить эту несправедливость, тем самым отдавая дань уважения талантливому фантасту: перед вами три тома лучших произведений писателя. В первый том вошли ранняя фантастическая повесть «Простое решение», «военно-фантастический триптих» — «Сон войны», «Русский Марс» и «Белый слон», а также повесть «Римское право», над которой писатель работал более двадцати лет. Во втором томе представлены дебютная повесть «Взаимы у вечности», «Витающий в облаках» и «Пыль под ветром» — произведения-размышления о том, что заставляет человека летать и где мы по-настоящему живем и счастливы — в снах или реальности, экспериментальная «Весна в Гипербореях», повесть из времен Тарквиния Гордого «Лукреция и Секст» и несколько фантазмагорических историй. В третьем томе Александр Рубан показывает себя как блестящий мастер короткого рассказа, так и произведения крупной формы, — например в романе «Феакийские корабли» древнегреческий слепой певец Демодок, он же путешественник во времени, через строки своих песен видоизменяя многочисленные реальности, насмехается над интригами могущественных богов, послушных его лире. В каждом из трех томов представлена подборка стихотворений Рубана-поэта.

Сергей Заплавный — «Томск изначальный», историческое повествование. Издательство — ООО «Дом мира», 304 стр. Тираж — 1000 экз.

Сергей Максимов — «Почерк», сборник стихов и песен, издательство ООО «Техно-принт», 316 стр. Тираж — 500 экз.

Дмитрий Барчук — «Занесённые снегом», роман. Издательство «Красное знамя». 488 стр. Тираж — 150 экз.

Вениамин Колыхалов — «Гармония», повествование. Издательство «Красное знамя». 438 стр. Тираж — 50 экз.

Вениамин Колыхалов — «Братья наши меньшие — умнейшие», стихи для детей и родителей. ООО «Издательский дом Д-Принт», 50 стр. Тираж — 200 экз.

МАМИНА ЕЛКА

Мой долговязый сын наконец-то достал с антресолей большую коробку с елочными украшениями. Сейчас она не кажется уже такой большой, как в детстве, но все еще полна знакомой тяжести и заветной таинственности. Прочная высокая коробка из гофрированного картона. Моя прабабушка с редким для тех времен именем Варвара, тщательно выбирала ее в подсобке нашего сельпо, с разрешения знакомой продавщицы. Выбрала твердый короб с круглыми вмятинами на дне, которые оставили тяжелые доньшки бутылок. На боку коробки красовался схематично нарисованный, будто нанесенный по трафарету, длинношей аист, несущий в клюве кисть винограда. С середины семидесятых, с того дня как мы принесли с бабой Варей эту коробку домой, прошло много лет, аист выцвел, но еще просматривается. И у коробки разлохматились края крышки. Но она служит исправно, пережила несколько поколений хранительниц нашего семейного очага, и теперь досталась в наследство мне. Сын тоже помнит ее с рождения, поэтому передает мне бережно эту священную тяжесть.

Маленькая искусственная елочка не вместит всех наших фамильных сокровищ, будем выбирать только самые любимые игрушки... Когда-то я завела традицию фотографировать детей под елочкой. На Сахалин, свекрови, регулярно отсылались портреты внуков. И новогодние фотокарточки были для нее самыми долгожданными! Но теперь едва удастся уговорить взрослых детей на такой ежегодный снимок. Вроде и не для кого – бабушек уже нет на свете. Однако со снисходительным видом они фотографируются. Раньше они стояли под елочкой, теперь елочка стоит под ними, даже с учетом высоты табуретки...

Сын уходит, а я, сидя под елочкой на полу, перебираю реликвии из пыльной коробки. Раньше она пахла морозом, когда старший брат Вася приносил ее из сарая. Теперь украшения хранятся в квартире, в тепле. Сарай наши снесли, и большинство соседей выкинули все скопом – и хлам, и реликвии, а я не смогла. Особенно эту коробку.

В нашем доме ее доставали всегда в один и тот же день, надо было непременно нарядить елку к 29 декабря, ведь это был мамин День рождения. Когда приходили гости ее поздравлять, всегда у нас красовалась большая елка при полном параде. Все одноклассники знали, что у нас елка появится раньше всех, и на ней будут прабабушкины игрушки на прищепках... Приходили разглядывать их – у многих были дома только новые, зеркальные, сверкающие елочные украшения. Подруги и на елку любовались – мамин брат, Николай, работал в лесхозе и занимался заготовкой елок, поэтому нам он дарил самую лучшую, самую пушистую, высотой до потолка! Для нее сделали специальную большую устойчивую крестовину. Но ее из сарая я не спасла. Незачем...

Я беру в руки поочередно то одну, то другую памятную елочную игрушку. Раздвигаю бережно слои старой ваты, под которыми они хранятся. И каждая из хрупких стеклянных фигурок когда-то рассказывала мне свою сказку. Теперь я могу рассказать о ней свою историю. Вот белые зайцы с облупившейся краской, на чуть тронутых ржавчиной при-

щепках – в сарае иногда была сырость. Этих зайцев я сама прикрепляла пониже, всех вместе. А рядом – девочку с корзинкой. Теперь в каталогах коллекционеров она значится как Красная Шапочка, но у меня она была падчерицей, которая пошла за подснежниками, из сказки «Двенадцать месяцев»... Прикрепляю их привычно вместе, раздвигаю слезавшиеся ватные облака, достаю следующую игрушку.

Фонарик, напоминающий полосатую юлу из моего детства. Алюминиевую, сперва дребезжащую, но потом начинающую мелодично петь. С красной ручкой и вмятинкой на боку. Юла не сохранилась, но эта игрушка всегда напоминает о ней. И не только о ней. Черную суровую нитку привязывала к этой нарядной новой игрушке прабабушка. Очень крепкие нитки, сейчас таких не делают. Я кручу вокруг своей оси повешенную на веточку игрушку, и на боках стеклянного волчка-фонарика сверкают блики. И будто мелькают передо мной, выплывая из памяти, разные моменты, связанные с новогодней суетой. С той порой, когда мы украшали елку.

Крутится фонарик, разбрасывая по сторонам отблески яркого зимнего солнышка. Наплывают воспоминания... Мне восемь лет, я каталась на горке и увидела, что дядя Коля внес в наш подъезд большую елку. Бросаю все игры и бегу скорее домой. На пимах и толстых штанах с начесом, туго натянутых на голенища валенок, налип снег, намерзли ледышки, но это не важно! Я спешу. Выбираюсь из штанов и валенок, а весь этот комбинезон странной конструкции укрепляю на батарее, в следующую раз быстрее будет

одеваться! Из-под штор видны валенки с натянутыми на них штанинами, и кажется, что я спряталась за портьерой у окна. Но нет, я не там, я у елки, нам надо до прихода родителей установить ее, а украшать уже будем вечером, по традиции, всей семьей.

Фонарик крутится, будто высвечивая другой день. Это дошкольные времена, я еще помещаюсь под елочку. Да не одна, а с младшей двоюродной сестренкой Юлькой. Она живет в городе, в крошечной «малосемейке». Большая елка для нее – чудо! У них дома елочка ужасно модная, полиэтиленовая – у нас говорят «капроновая», она стоит на телевизоре. Так что я пускаю любимую сестренку в свою сказку.

На нижних ветках у нас висят небьющиеся игрушки. Картонные серебристые фигурки животных и сказочных героев, старинные, намного старше меня. И новомодные шары из блестящей прозрачной пластмассы. А еще – ажурные снежинки, тоже «капроновые». Такие же плоские снежинки пришиты на мою «корону», точнее, кокошник, подбитый ватой, обклеенный осколками битых елочных игрушек. Рассказываю Юльке про нашу елку в РДК – районном Доме культуры, она восхищенно слушает. А я думаю, как хорошо быть старшей!.. Вот сейчас я старшая в семье, но это что-то не очень радует...

Снова вертится, послушный движению моей руки, елочный фонарик. Прошло несколько лет. В городской квартире у нас потолки четырехметровые, и елку папа приносит достоянию масштабов бывшего купеческого дома на бывшей Дворянской улице. Видимо, мне повезло с елками по жизни. Папа сам ездил заготавливать елки от своей работы. Он во Дворце спорта работает инженером, там проходят главные городские и областные елочные праздники. Деревьев новогодних там украшают много – и в фойе, и возле арены. В этом году у них «на елках» выступает московский цирк... Мы с папой и мамой разматываем длинную электрогирлянду, растянув провода на всю квартиру. Я держу верхний фонарик, мама – электрическую вилку, папа распутывает. Прабабушка наблюдает с дивана, она уже плохо ходит, ей 87 лет. Брата Васи с нами нет, он служит в армии. Точнее, в морфлоте, в Анапе. Пишет, что у них нет ни снега, ни мороза. Удивительно, и мне не верится в такое чудо!

Крутится фонарик на ветке. Много что вспоминается, когда я приношу в комнату эту коробку. Разворачиваю клочки старых газет, в которые были завернуты хрупкие игрушки. Нахожу на самом дне елочные бусы из стеклянных трубочек и склеенные из цветной бумаги цепочки, блестящие гирлянды новогодних флажков. Все такое старенькое, обшарпанное, облезлое! И на елочку мою, конечно, все не поместится. Но я все равно храню эти памятные вещицы. Для меня они очень много значат. А для моих детей? Они сейчас в том возрасте, когда Новый год уже утратил волшебство. Но знают про нашу давнюю традицию наряжать елку ко Дню рождения бабушки. Мамы нет с нами много лет, в двенадцатый раз мы украшаем елку не для нее, уже без нее. Зодиакальный круг замкнулся. Но я все равно буду украшать сегодня «Мамину елку». Только подожду, когда дома будут дети. Не будем нарушать традицию наряжать елку всей семьей!

Владимир Кузьмич ЯКОВЕНКО родился в 1948 году в селе Тегульдет Томской области, там же закончил среднюю школу.

С 1966 по 1971 годы учился в Томском инженерно-строительном институте. Обучаясь в институте, руководил литературным объединением при институтской многотиражке, был ее постоянным внештатным сотрудником.

Стихи и заметки печатались в многотиражке, в газетах «Молодой ленинец», «Красное знамя», в районных газетах Тегульдетского, Первомайского и Верхнекетского районов.

Долгое время работал в системе треста «Томлестрой» мастером, прорабом, главным инженером строительных подразделений.

В 1986 году переведен в Томск, главным инженером СНРПМ «Томск-реставрация». Затем перешел работать

в систему объединения «Агропромстрой».

В настоящее время пенсионер. Ветеран труда Томской области. Женат, имеет двух дочерей, трех внуков.

Зимний вечер

Наш парк окутала зима
Нарядом серебристым.
Повисла желтая луна
В морозном небе чистом.

Скрипит снежок под каблуком
И эхом отдается.
Лишь тишина стоит кругом
И лунным светом летится.

Морозец бархатом покрыл
Ресницы у прохожих,
Припудрить щеки не забыл
И поддумывать тоже.

Блестит глубокая лыжня
В пушистом покрывале.
По ней пойду на лыжах я
В такой мороз – едва ли.

Склонились ветки до земли,
Слились с покровом пыльным.
Тут снегири приют нашли,
Сидят - их еле слышно.

Щебечут тихо – о своем.
Их снег под веткой греет.
Мечтают, видимо, о том –
Когда весной повеет.

Заброшенная деревня

Стоит, покинутая всеми,
Пустыми окнами глядит.

Уныло ночью бродят тени
И ветер ставни шевелит.

Крапивою пышут огороды,
Журавль колодезный скрипит,
А на шесте, покинув воду,
Ведро дырявое висит.

Машинный двор завален ломом:
Машин, косилок и граблей.
И с полусгнившим, ветхим домом
Усадьба кажется ничьей.

Поля заполнились бурьяном
И молодым березняком.
Забор колышется, как пьяный,
Грибы слоятся над пеньком.

Из труб печных не видно дыма.
Свисает толь с просевших крыш.
В карнизе щебет воробьиный,
А под крыльцом скребется мышь.

Проходят дни, как поезд скорый.
Тоску деревни не унять.
Глядит на мир с немым укором.
Что будет с ней? Чего ей ждать?

Мичуринская осень

Деревья на зиму разделены,
Не слышно прежней суеты.
Мичуринские опустели,
Куда стремились я и ты.

Так быстро лето пролетело,
Уже давно не месяц май.
Но мы туда, где душу грело,
В свой небольшой, но все же рай.

Где в радость все, где ближе к ночи
Соседский гомон тут и там,
Где иногда усталым очень
Шашлык и баня были нам.

Душой в работе отдыхая,
Такой собрали урожай,
О чем с тобой и не мечтали,
Но будет лучше, так и знай.

Росинки нежно серебрились,
В живом ковре твоих цветов.
За что все это мы любили,
Я нас с тобой понять готов.

Мой Томск

Так много городов на свете,
Но я, мой Томск, люблю тебя.
Ты чист, красив и светел,
Ты просто Родина моя.

Мне близко все: дворы и скверы,
Резных карнизов кружева.
Блеск куполов и чувство веры –
В тебя, тут ни к чему слова.

Через века проходят годы.
Хранится в памяти твоей –
Эвакуация заводов,
Создание госпиталей.

Ты помнишь, Томск, войну и голод,
Боль, пережитую тобой.
Но для меня ты вечно молод
Своей студенческой душой.

Я сам еще студент вчерашний,
Сегодня – ветеран труда.
И от того ничуть не страшно,
Что так стремительны года.

Живу с тобой в единой связке,
Неизбалованный судьбой.
Мой труд, мой мир – далек от сказки.
Мой город, я горжусь тобой!

Скалолазки

Две девчонки и небо вокруг,
Да притихшие ниже ели.
Отрешенье в глазах – не испуг
И желанье достигнуть цели.

По скале, по расщелине - вверх.
Покоряя – не покориться.
До вершины мгновенье одно,
Только жаль – человек не птица.

Отдохнув, закрепив страховку.
По отвесной пройти немного.
Выше – склон и по краю бровка,
Там в расщелину выйти могут.

Светит солнце в глаза нещадно.
На крутом закрепляться сложно.
Пусть пройдут, за скалой площадка,
Там к вершине подняться можно.

Время в бездну ушло за скалы.
Как же долго не видно подруг.
На вершине встают устало
Две девчонки и небо вокруг.

Старушка

В калошах, в старой телогрейке -
Сидит, закутанная в шаль.
У остановки, на скамейке.
«подайте» - если вам не жаль.

В глазах тоска, лицо в морщинах.
С каёмкой блюдце перед ней.
Листок в руке – «Спасите сына».
Спасти, что может быть важней?

Что за беда в семье случилась?
Спросить я у нее не смог.
Старушка молится за сына
И верит, ей поможет Бог.

Мы все надеемся на Бога,
Но больше, в тайне от других.
Лишь появляется тревога,
Мы шепчем – «Боже, помоги».

С бедой справляемся мы сами,
Кто бы за что не пострадал.
Я сам свожу концы с концами,
Но ей последнее отдал.